

Цзи Цин сохранял невозмутимое выражение лица. Он прекрасно знал, что Цзи Ю всегда был с ним в натянутых отношениях, так с чего бы тому вдруг проявлять такую доброту и приходить здороваться?

Когда Цзи Пэн сожительствовал с У Шаньшань, у него уже был ребенок на стороне — это и был Цзи Ю. Поэтому Цзи Ю и Цзи Цин были ровесниками, их дни рождения разделяли всего семь дней.

— Цзи Цин, чего ты застыл? Иди сюда, присядь!

Цзи Ю потянул Цзи Цина к дивану, но тот не был настолько легкомысленным. Его собственное сердце вот-вот должно было стать сердцем этого человека, и кое-что Цзи Цин обязан был прояснить.

— Не сяду. Я просто хочу спросить тебя о кое-чем.

Сказав это, Цзи Цин прямо расстегнул пуговицы на больничной пижаме Цзи Ю. Тот был застигнут врасплох, но скрывать ничего не стал.

Три иероглифа Чу Мочэнь, вытатуированные на груди Цзи Ю, заставили зрачки Цзи Цина расшириться. Он не мог в это поверить. Тихонько коснувшись того же места у себя, он обнаружил, что имени там больше нет — остался лишь шрам.

Видя, как Цзи Цин лишился дара речи, Цзи Ю, напротив, довольно усмехнулся.

— Это Чэнь-гэ настоял, чтобы я сделал такую татуировку. Я ничего не мог поделать.

Цзи Цин крепко сжал кулаки. Он постоянно твердил себе, что Цзи Ю — больной человек, к тому же любимец Чу Мочэня, и он должен сдержаться.

Он уже начал сомневаться: неужели он попал в параллельную вселенную? Почему все, кроме него самого, уверены, что Чу Мочэнь любит именно Цзи Ю? А как же он? Ради чего он прошел через всё это?

Наконец, не в силах больше сдерживаться, Цзи Цин схватил Цзи Ю за воротник.

— Цзи Ю, я отдаю тебе свое сердце, зачем ты отобрал у меня всё остальное? Не слишком ли вы зашли в своих издевательствах?

Цзи Ю внезапно расплакался, изображая обиду:

— Цзи Цин... брат! Что с тобой? Я ничем тебя не обидел. Если не хочешь отдавать мне сердце, я не возьму... Отпусти меня, кхе-кхе...

— Ты прекрасно знаешь, что натворил! Занял чужое место — думаешь, есть чем гордиться?

Почему? Почему он отсидел пять лет в тюрьме ради Чу Мочэня, а выйдя, обнаружил, что его заменили, да еще и должен отдать свое сердце этому подменному лицу?

Цзи Цин не мог смириться. Ему хотелось прикончить Цзи Ю, но на убийство он был не способен, а гнев в душе никак не утихал.

В порыве ярости он влепил Цзи Ю пощечину. В конце концов, в глазах Чу Мочэня он все равно пустое место, он всё равно скоро умрет — так почему он должен позволять другим жить спокойно?

Увидев, что Цзи Цин снова замахнулся, Лан Юй перепугался и оттащил его в сторону.

— Цзи Цин, ты жить надоело?!

Он хотел лишь слегка спровоцировать Цзи Цина, но никак не ожидал, что тот действительно решится на рукоприкладство.

Эта сцена как нельзя некстати попала на глаза Чу Мочэню. Он собирался вернуться, чтобы купить Цзи Ю еды, но, уже дойдя до входа в больницу, передумал и решил забрать Цзи Ю сразу в ресторан.

За эти пять лет Чу Мочэнь приучил Цзи Ю к полной вседозволенности, и никто никогда не смел его ударить.

Увидев происходящее, Чу Мочэнь не смог сдержать ярость. Еще до того, как Лан Юй успел что-то предпринять, он с размаху ударил Цзи Цина ногой.

Цзи Цин успел лишь глухо застонать и рухнул на пол, не в силах пошевелиться.

Он чувствовал, как внутренности скрутило от боли, он не мог вымолвить ни слова.

Он хотел объясниться, хотел сказать Чу Мочэню, что тот ошибся человеком. Но Чу Мочэнь не дал ему шанса и сразу же позвал Лан Юя.

Лан Юй был в ужасе, понимая, что влез в осиное гнездо.

— Господин Чу, простите, я... я думал, они братья, поэтому...

— Это определенно твоя вина! Кто позволил впустить сюда эту бешеную собаку? Запри его в подвале, я разберусь с ним, когда вернусь!

<http://bllate.org/book/20219/2012673>